

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ



ИГОРЬ ЛЫСОВ



Симфония
убийства



МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л88

Лысов, Игорь Владимирович.

Л88 Симфония убийства / Игорь Лысов. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-172876-2

Дирижер симфонического оркестра Виктор Силов и подумать не мог, что однажды выдаст себя за... профессионального киллера. И не просто выдаст, а выполнит конкретный заказ и убьет человека. Потом еще одного и еще... Постепенно скромный с виду маэстро стал настоящим преступником. Сыщики сбились с ног, разыскивая жестокого убийцу, пока начальник УВД полковник Игнатьев случайно не познакомился с Силовым лично. Чтобы понять мотивы преступлений и изобличить безжалостного злодея, Игнатьеву пришлось на время принять сторону кровавого дирижера...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172876-2

© Лысов И.В., 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

РОМАН В ДВУХ ЧАСТЯХ,
С ЭПИЛОГОМ

*Только бы жить, жить и жить!
Как бы ни жить — только жить!.. Экая правда!
Господи, какая правда! Подлец человек!
И подлец тот, кто его за это подлецом называет.*

Ф.М. Достоевский.
«Преступление и наказание»

Часть первая

PRO

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Силов устал жить. Это он сам сказал: «Устал, блин... Устал жить». Ну, не совсем, конечно, устал... До этого он еще не додумался — рановато, видимо. А просто устал — и все.

Случилось это не в одно мгновение. Да такого и быть не может — бац, и сразу устал. Все это происходило постепенно, медленно, сразу и не заметишь. Год назад или около этого Силову вдруг захотелось стать новым русским. Новым беззаботным русским, как он это понимал. Новые русские давно уже кончились, но понятие это еще было живо и даже употребимо в специальных разговорах. Когда на кухне совершенно неожиданно, но очень естественно речь заходила о жизни, о смысле ее, то есть обо всем таком, ради чего специально-то и не соберешь людей...

Решив стать новым русским, Силов первым делом обновил жену. Прежнюю, Людмилу, он оставил в квартире с маленьким балконом, двумя детьми, мебелью, велосипедом и кошкой Тиной. С собой он взял только личные вещи, телевизор и машину. Машина, впрочем, и не обсуждалась — на ней, кроме Силова, и ездить никто не мог — рухлядь праворульная. Да и ушел он не как в кино показывают — хлопнув две-

рю — нет! Жена высказалась просто и коротко: «Вали-ка ты, Силов, и без тебя проживем...»

Силов и свалил. В маленькую квартиру, оставшуюся после матери, которую уже месяца три как не могли сдать — желающих не было. Квартира была крохотная, но зато обжитая. Там он принимал молоденькую Лизу, педикюршу из «Дома красоты» — свою новую жену, не расписанную пока еще с ним, но уже готовую к этому. Регистрация брака была назначена на ближайшую пятницу и прошла тихо для всех, включая и молодоженов. У Лизы было огромное достоинство перед Людмилой — она была моложе лет на двадцать. Если не больше. Внешне уж точно больше. Это преимущество сыграло огромную роль — рядом с Лизой Силов чувствовал себя богатой личностью. Нет, она совсем не была куклой. Но разница в опыте сказывалась, к тому же Лиза выросла без отца, и ей совсем не хотелось быть главной, сильной, похожей на свою мать женщиной. Ей очень хотелось быть маленькой, послушной, даже чересчур послушной. Это Силова привлекало — он с удовольствием играл в командира, хозяина, начальника, отца... И чем больше он был безапелляционным, тем сильнее Лиза погружалась в то интимное послушание, которое доводит мужчин до тихой бешеной радости — Силов не стеснялся ни одного своего мужского желания. Попробовав все, или почти все, что только было возможно в его фантазиях, он остановился на безобидном телевизоре с утренними развлечениями для домохозяек. Для этого он специально просыпался на полчаса-час раньше, выпивал стакан воды и включал телевизор. Найдя программу, которая его не раздра-

жала, Силов ложился снова в кровать, закуривал, делал две затяжки, поскольку девушка не выносила табачного дыма, тушил сигарету и молча будил Лизу. Новая жена, не открывая глаз, прижималась к Силову и медленно губами проверяла каждую клеточку его тела. Делала она это уверенно и спокойно. Силов иногда приподнимал голову и смотрел на Лизу: та была занята своим делом и совсем не реагировала на проверочные поглаживания. Для нее существовало только одно — она сама и ее ласка. Но Виктор чувствовал больше, чем какое-то там наслаждение. Лиза была скрипкой, которая могла играть сама по себе — если слышать эту музыку, а Силов слышал. Появлялось еще одно (да и не одно) чувство вдохновенного секса. Не секса потного, утробного, дышащего или даже стонущего, нет. Секса тихого, когда тело находится в каком-то облаке, а сознание только фиксирует это и остается свободным — музыка гуляет по всему человеку-мужчине. Музыка, которая никогда и никем не была написана. Она принадлежала только Силову и той скрипке, которая не понимала, какой же она все-таки инструмент.

Прежняя, Людмила, никогда не была ничем тонким или музыкальным, если уж и сравнить ее с Лизой, то, кроме ритмичного «ум-ца-ца, ум-ца-ца», ничего Людмилу с музыкой не связывало. Она была прекрасной хозяйкой, товарищем, матерью и так далее... мелодии в ней не было. В Лизе же не было никакой хозяйки — была сама Лиза-скрипка, и все. Это и делало Силова счастливым.

Неожиданно для самого себя он тоже пристрастился к подобным ласкам. Просто уходил в себя —

«улетал», как он однажды высказался. В такие минуты-часы его ничего не тревожило — ни жизнь, ни работа, ни деньги... Он иногда даже вспоминал «живите, как птицы», но потом сам же и стеснялся этого воспоминания; уж больно некстати оно приходило. Силов гнал от себя эту цитату и, чтобы отвлечься, начинал думать о работе. Это уже не мешало заниматься тем же, чем увлекалась и Лиза по утрам под сигаретный дым и щебетанье из телевизора.

Силов служил в местном музыкальном театре дирижером. Радости это особой не приносило. Небольшая зарплата, три-четыре занятых вечера в неделю, и все. Ну, еще два раза в год утренние репетиции по полтора месяца. Сам театр обслуживал директрису, ее амбиции и пионерско-комсомольские, от прошлой должности, ценности. Иногда театр прогибался и под художественного руководителя-режиссера, но под Силова — никогда. Эти две сволочи — худрук и директриса — съедали Силова в пять минут, он плелся домой или в ресторан Дома актера залить огонь недовольства маленькой рюмочкой коньяка и полулитровой кружкой местного пивка с неизменной селедкой под шубой, которую подавали в квадратной формочке, укрытой пленкой...

Оркестрантов и тем более оркестранток он интеллигентно ненавидел. Даже в мгновения собственных срывов Силов молча останавливал оркестр и после продолжительного взгляда произносил просто и негромко: «Тут диез, мужчина-музыкант...» Разговаривать подробнее или даже крикнуть ему было презрительно противно. Еще в консерватории, студентом,

он распознал эту касту — будущих музыкантов оркестра. Абсолютно без амбиций, скрипачи-валторнисты ходили на все лекции и тупо слушали, иногда даже очень увлеченных, преподавателей. После обеда начинались профессиональные пары, и три-четыре часа все эти маэстро выводили хором музыку, которая в партитуре звучала иначе — там она звучала божественно. А молодой Силов запирался у себя в общежитии с талмудом нот и погружался в мир, который был слышен только ему. Вот в такие минуты, которые давно уже прошли и практически бесследно, вот в такие минуты юный Силов был красив, невесом и предельно художественен. Музыка он понимал биологически, изнутри, без всякой логики и эмоционального объяснения ее — он ее слышал, и все.

Театр расставил все на свои места — если исключить оркестр и вокалистов, то в нем служили и не бездарные люди — худрук, директриса, заведующий музыкальной частью, старший машинист сцены... Особенно главный хормейстер — это была милая женщина шестидесяти лет, ухоженная, красивая, маленькая, предельно образованная и тихая. Звали ее в театре Полпорции, скорее всего, за миниатюрность. Она была единственной в театре, кто понимал дирижерство. Силов ей доверял — забегал в кабинет к ней, получал конфетку и коньячок, молчал и тихо отпотевал душой.

Были, были в театре люди, были... Но какая-то заноза угнетала этих людей: публика, министерство, безденежье, репертуар, наполовину урезанный — на полный оркестр денег не хватало. Мечта продирижировать оркестром в сто человек иссякла давно — на улице Силов уже ничем не отличался от рядом идущих.

щих на производство людей. Разве что поток на фабрике был активен в те часы, когда он еще спал. В его же время улица была поразноцветнее, но не больше.

Виктор, а Силов был Виктором, частенько сходил с тропы на работу и садился на скамейку анализировать движение себе подобных. Скорее всего, именно в такие смотрины и стало приходить сознание: «Блин, устал...» Или, что было уже точно процитировано: «Устал, блин... Устал жить».

II

Лизины утренние программы делали для Силова главное: театральная тоска уходила на дальний план, а то и вовсе исчезала. Вечерами Лиза работала допоздна, а Виктор умудрялся в это же время дирижировать «инвалидами с инструментами», как он выражался внутри себя, и одновременно слышать ту музыку, что была зафиксирована типографией в партитуре. После спектакля он шел в Дом актера, где традиционно пил пиво с селедкой под шубой и уже под занавес хлопал рюмку коньяка, которую приносили с самого начала. Коньяк, совсем немного коньяка, был кодой еще одного дня. Если же в ресторан заходили артисты по случаю премьеры или дня рождения, то Силов сидел дольше и слушал под караоке любимые песни народа — тут дарование вокалистов оказывалось на месте... Очарование простой историей и совсем банальной гармонией доводило поющего до настоящего чувства — у певца слезы текли, голос вздрагивал в нужный момент. Посетители слушали — мир, казалось, идеален и вечен. Верди, люби-

мый Верди исчезал из Силова, но Виктор и не сопротивлялся. Невозможно сопротивляться искреннему, пусть даже предельно избитому ощущению сентиментальности человеческой судьбы... Но как только смолкало народное и искреннее, возвращался Верди, укоризной смотрел на Силова, который уже шел домой с очередной порцией усталости...

Дома, выпив кофе, ложился спать. Это было традицией — кофе на ночь. Лиза еще работала — мало кого интересовал театр, больше заботились о внешнем виде. Виктор засыпал быстро — ворочался минуты три, не больше. Поза выбиралась тщательно: поняв, что так не заснет, Сиров поворачивался и проверял следующее положение. Три-четыре раза повертевшись, он засыпал крепко и мгновенно.

Часа через два он просыпался — первый сон от пива и коньяка отпускал дирижера, и Виктор несколько минут лежал с полуоткрытыми глазами. Он наблюдал за Лизой, которая смотрела ужастики — телевидение не показывало ничего в это время, — поэтому девушка приспособилась отыскивать в Интернете фильмы со всякими вурдалаками и маньяками и смотрела их через ноутбук. Почему ее интересовали эти кровожадные монстры, Виктор не понимал. Он просто наблюдал за ней. Лиза сидела на краешке кровати в мужской рубашке, Сиров сразу же повыкидывал все ночнушки жены, и вздрагивала при каждом долби-звуке, тихо-тихо улыбалась сама себе.

Виктор молча забирал пульт из рук Лизы и выключал телевизор. Девушка забиралась под одеяло, но так, чтобы рассмотреть или, по крайней мере, услышать конец фильма, который продолжал шоки-

ровать ночную комнату уже из ноутбука. Поэтому очки она не снимала, а Виктору это очень нравилось. Он не мешал Лизе — у него было свое развлечение. Расстегнув рубашку, Сиров превращал Лизу в любимый гаджет, который не выпускают из рук. У него были любимые места, и он даже сознательно обходил их стороной, оставляя на самое вкусное. В его движениях был какой-то сложный ритм — губы и пальцы двигались в такт музыке — он «дирижировал» свое самое сокровенное... Так Виктор засыпал во второй раз, и теперь уже до самого утра.

III

Все-таки беззаботность дирижера не привела его к бессмысленному спокойствию и взгляду на жизнь от имени нового русского. Виктор все чаще и чаще безразлично смотрел на новую жену — спасение ее молодости превращалось в обыденность. Лиза жила тихо, безропотно — она и не была женой Сирову в прямом смысле этого слова. Не скандалила, не командовала, не старалась создать очаг — очарование у Сирова прошло. Надоела, что ли, игрушка... Что делать дальше — он не знал. Лиза же приняла эту растерянность мужа как закон — стойко, спокойно. Иногда, когда Виктор неожиданно возвращался к мужскому интересу, Лиза отзывалась мгновенно и качественно. Можно сказать, что она могла бы стать мечтой любого мужчины — применение себя в любом качестве девушка принимала как само собой разумеющееся. Она была музыкой... Прекрасной, страстной, высокой и неземной — она не давалась простой разгадке...

Это и выбило Силова: сам того не подозревая, он ожидал от Лизы еще чего-то. Чего-то такого, что отбило бы у него охоту размышлять о своей усталости. Подсказывать он не собирался, даже не думал об этом — скорее всего, сам не осознавал, что же он хочет от Лизы... А Лиза, как это уже стало понятно, и не собиралась менять мир мужа в своем понимании. Было ли это понимание у нее или не было вовсе — неизвестно.

А тут еще подоспел праздник — пятидесятилетний юбилей. В театре после спектакля, уже на поклоне, вышла администраторша с букетом цветов в корзинке, и по трансляции, и в зрительном зале, пронеслось:

— Сегодня коллектив театра поздравляет нашего любимого дирижера с юбилеем и желает ему дальнейшего творческого успеха и процветания!

Голос актера, который перед каждым спектаклем просил зрителей отключить мобильные телефоны, теперь не сильно изменился в поздравлении, просто от сути самого объявления аплодисменты в зале слегка усилились и тут же стихли, как только Силов, откланявшись трижды, нырнул в свою яму. Там уже было пусто, и только худенькая скрипачка все еще собирала свои ноты:

— Поздравляю, Виктор Викторович...

У гримерки стояла директриса, покрытая аллергенными пятнами и напоминающая перезревшую помидорку, с конвертом в руках.

— Это вам, маэстро, от администрации театра. Немного, конечно, но профком дал добро на повышенную сумму. Так что поздравляю вас, Виктор Викторович, вы еще у нас очень ого-го! Так держать...

В гримерке уже звенел мобильный, и Сиров скрылся за дверью. Звонил худрук с предложением заглянуть к нему в кабинет: «Так сказать, по приятному случаю». Виктор переоделся — снял фрак и поменял его на черную майку... Все, что не имело воротника, идеально подходило Сирову — майки, гимнастерки, френчи. На гримерном столике вставленная в зеркало фотография десятилетней давности тоже демонстрировала поразительную гармонию Виктора и френча. Сиров посмотрел на карточку: черный ежик — это единственное, что отличало фотографию от отражения в зеркале. Нет, ежик был прежним, но сейчас он был уже не черным, а, как принято говорить в среде владельцев шнауцеров, перец с солью. И, черт возьми, это было красиво, словно талантливый художник рассыпал ртуть по темному ворсу... Все остальное, как и десять лет назад: ямочки на щеках, легкий квадрат скул, взгляд. Даже три морщины, пересекающие лоб, остались теми же. Время не трогало Сирова. Ежик не в счет — он просто стал красивее... Виктор вспомнил, что сегодня все-таки юбилей, и поменял майку на черную рубашку, которая висела в гримерной на разные случаи жизни. В рубашке он тоже был хорош.

В кабинете, кроме худрука, никого не было, но на столе стояли два бокала и тарелка с конфетами. Сам худрук, согнувшись, вытаскивал из нижнего ящика стола початую бутылку коньяка.

— Витя, проходи... Давай, по слегка, за твои молодые годы. Будь здоров и приноси пользу волшебному миру музыки театра.

Выпили и даже покурили, стоя у окна. Обсудили беременную арфу, которую увезли в роддом и больше в городе нет никого. И где брать, непонятно. Тащить откуда-то — на такую зарплату!.. Еще раз выпили — город за окном постепенно замирал, мигая на прощание светофорами. Худрук еще что-то говорил о планах на сезон, Виктор кивал и даже реагировал, более-менее, в такт смыслу того, что называлось планами... Будет прекрасная современная вещь талантливого питерского композитора, будет детское название и, конечно же, песни прошлого — классика и эстрада. Все это у худрука уже собрано, сценарий почти готов — будет бомба, и народ повалит. Дирижировать песни Силову никак не хотелось, но высказаться вслух об этом ему хотелось еще меньше...

Худрук говорил, город остывал, а Виктор был уже в своих мыслях, в старых знакомых мыслях, которые давно появились и которые только на время попрятались — когда появилась игрушка Лиза...

В общем, Силов устал. И сейчас он плелся в Дом актера за своей селедкой под шубой... Ресторан уже не гудел, но и закрываться не собирался. К этому времени артисты, прочие лица художественности уже исчезали в большинстве своем, появлялись же, как метко сказано кем-то, «кто-то из публики». Эти «кто-то из публики» забредали сюда только потому, что приличные рестораны уже закрывались, а догулять очень хотелось. Ресторан Дома актера на этом и держался: демократичное обслуживание, цены, не закрывались почти до отбоя — публика его любила. Тут можно было раствориться или, совсем наоборот, оказаться всеобщим любимцем вечера.

Виктор расположился почти в центре: его любимое место у пальмы было занято «кем-то из публики», у которой своего места тут никогда не было, да и быть не могло. В такие часы сюда приходили впервые и на один раз. Приходили допить и договорить, а больше от ресторана в этом состоянии и не требовалось...

Силов дождался официантку Лиду и заказал целую бутылку коньяка. Официантка была огромного роста, почти с баскетболистку.

— Случилось что, Витя Витевич? — С Лидой он был знаком уже лет пять, а то и шесть.

— Случилось, только давно уже... Пятьдесят лет назад.

— Ни фиги се! Я думала, тебе лет сорок, ну — сорок два... Поздравляю! Так и быть, лимон от заведения... Есть будешь что? Все-таки бутылка!

— Лимон... от заведения буду.

Лида ушла, и Силов вдруг понял, что на этом месте в центре зала он совсем не сможет покурить. А там, на его привычном месте, под пальмами можно было укрыться и, приоткрыв окно, тихонько подышать, не напрягая ни посетителей, ни завсегдатаев, ни официальных лиц. Виктор осмотрелся — на его месте сидел мужичок «из публики», круглым лицом уставившись в телефон. Красная мордень блестела у самого носа синим сиянием экрана смартфона. Мужик, не мигая, смотрел на этот экран, изредка двигая по нему пальцем. Иногда он вертел телефоном, как это делают в тех случаях, когда рассматривают горизонтальные фотографии во весь экран. Мобильник был приставлен к тарелке, так удобнее смотреть: на